

© 2019 г.

К ИСТОРИИ «СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ» СОЮЗНИКОВ В РОССИИ В 1917–1919 годах. Неожданная находка, обнаруженная в Национальном архиве США

DOI: 10.31857/S013038640004861-5

«Кислотным тестом» для союзников называл президент США Вудро Вильсон в своих знаменитых «14 пунктах» 8 января 1918 г. «русскую дилемму», как виделась она современникам Русской революции 1917 г. В одном сходились все: революционный бунт приобрел глобальный характер и как это признали, требовал вмешательства внешних сил.

Буквально накануне капитуляции Германии Россия приковала к себе всеобщее внимание. В Лондоне, Париже, Токио и Вашингтоне шел процесс, который целиком укладывается в понятия тайной дипломатии и закулисных сделок. В военных штабах, кабинетах политических лидеров, в формирующемся разведывательном сообществе, информационных центрах обдумывалось и обсуждалось множество вариантов развития на случай больших и малых войн, грозящих расколоть Россию и свергнуть ее в нескончаемую череду катастроф и межнациональных конфликтов.

Президент Вильсон жаловался, что русские дела вызывают у него головную боль, но продолжал нагружать подчиненных и советников заданиями, в которых приветствия новым русским властям перемежались с подготовкой крупных военных операций и политических акций на севере России и Дальнем Востоке. Архивные материалы показывают, что единого мнения у Вильсона и союзников не сложилось, хотя президент США допускал подготовку тех или иных совместных предприятий или специальных операций, в которых вооруженные силы США могли играть роль второго плана и одновременно надзирающего сверху за происходящим.

Франклин Д. Рузвельт, долгое время, находясь на государственных должностях, в том числе, и занимая пост заместителя военно-морского министра (1913–1920 гг.), не был замечен при обсуждении русской проблематики, хотя его осведомленность о положении на фронтах и на морях была хорошо известна. Но в присутствии президента Вильсона он предпочитал держаться в тени и не влезать с советами в области, которые президент считал доступными только для самого себя. Последовательное накопление сил на севере России в тесном взаимодействии с уже обосновавшимися там союзниками при сохранении полной самостоятельности Вашингтона в решении общих и частных вопросов государственного самоустройства на территории России при условии ее антигерманской ориентации. Такой тактики Вильсон придерживался весной 1918 г.

Требование эвакуации иностранных войск «со всей территории России», сформулированное Вильсоном в VI пункте¹ его речи 8 января 1918 г., ко многому обязывало президента, посему вплоть до апреля 1918 г. Вильсон не решался полностью присоединиться к англичанам и французам, закрепившимся в конце 1917 г. в районах Архангельска и Мурманска. Между тем численность последних все время росла. И в апреле 1918 г. Вильсон попросил министерство военно-морского флота продумать, чем Соединенные Штаты смогут «завоевать уважение» союзников и их главное

¹ The Papers of Woodrow Wilson, v. 45. Princeton, 1984, p. 637.

начальствующее лицо английского генерала Фредерика К. Пула. Так к началу сентября 1918 г. к смешанному отряду англичан и французов присоединился шеститысячный спецназ американских «полярных медведей» во главе с полковником Джорджем Стюартом. Появились первые начальные наброски совместных планов похода в центральные регионы России. Недостаток собственных сил решено было пополнить за счет военнопленных чехословаков, лагеря которых были разбросаны по всей стране. Главным направлением наступления на Москву была дорога через Котлас, а главным плацдармом — побережье Баренцева и Белого морей. Видный английский историк-руссист Роберт Сервис в своей известной «Истории России в XX веке» пишет: «Было похоже, что пройдет немного времени и иностранные военные соединения достигнут Москвы и свергнут большевиков»².

Американский военно-морской флот, как за то ратовал еще Теодор Рузвельт, своим участием в войне должен был стать флагманом морской силы союзников. Военно настроенный Франклин Рузвельт также полагал, что выросший как на дрожжах за годы войны флот, способен взять на себя инициативу по переброске воинских контингентов в любом направлении и любого назначения, включая волонтеров. По кабинетам Белого дома и военного департамента блуждала идея усилить присутствие Америки в «очищении» России от германского влияния, используя созданный еще в ходе войны плацдарм (склады военного имущества, боеприпасов, портовые сооружения и т.д.). Рузвельт предпочитал говорить о германской угрозе России и союзникам и только³. На более высоком уровне речь шла о другом.

Вместе с прояснением контуров стратегического маневра, имевшего целью кольцевое оцепление главных большевистских сил путем постепенного сжатия их с Севера и Востока, в сознании президента росла оппозиция слишком глубокому вращению в русские дела. Однако уступая нажиму Лондона и Парижа, В. Вильсон соглашается направить на север России военный корабль, способный «завоевать уважение»⁴. 26 мая 1918 г. в Мурманск из Манилы прибыл американский крейсер «Олимпия». Не расставаясь с сомнениями, 6 июля 1918 г. Вильсон присоединяется к «японской экспедиции» на Дальнем Востоке, хотя его пугали далеко идущие агрессивные цели Японии. Отмежевываясь от них и, говоря об участии американцев в операциях на севере России и в Сибири⁵, Вильсон намеренно называл их «экспедицией», «операцией по осуществлению помощи» или чем-то в этом роде. Немногим эти термины казались убедительными. Чаще всего даже сторонники Вильсона видели в них подмену понятий, игру в слова, «пацифистские штучки» и т.д. Франклин Рузвельт будучи представителем того клана правящего класса, который весьма скептически относился к чертам брайанизма в риторике Вильсона, не скрывал своих разногласий с президентом. Представляя течение «нового реализма» он скептически тогда относился к манере президента украшать тексты речей и документов взятыми взаймы у кого-то чересчур обтекаемыми фразами.

Хорошо знакомый с великодержавными настроениями флотского начальствующего состава молодой Рузвельт предпочитал деловой стиль, определенность целеполагания и формулировок. Чье распоряжение выполнял он, только что вернувшись потрясенный из воюющей Европы и сочиняя новый документ о поведении американского контингента на севере России, неизвестно. Это мог быть президент или государственный секретарь. Но у Рузвельта был свой взгляд на вещи. Главное же то, что Рузвельт не использует в тексте документа подмены терминов. Вторжение

² Service R. A History of Twentieth Century Russia. Cambridge (Mass.), 1998, p. 102.

³ Ward G. C. A First-Class Temperament. The Emergences of Franklin Roosevelt. New York, 1989, p. 146.

⁴ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002, с. 265.

⁵ Unterberger V. M. Woodrow Wilson and the Bolsheviks, p. 32–35. Текст доклада, прочитанный на симпозиуме по истории Первой мировой войны в Чикаго.

американских сил на территорию России — будь то на Севере или на Востоке — он называет *интервенцией*.

Может быть, Рузвельт сознательно дерзил, стремясь получить от президента разрешение уйти «в солдаты» и отправиться на Западный фронт? Нет, едва ли. После перенесенного в сентябре 1918 г. сильнейшего заболевания, подхваченной на передовой Западного фронта «испанки», он отказался от попыток «сбежать» на фронт. Между тем у Вильсона возникла мысль не быть связанным с авантюристической тактикой английского генерала Фредерика Пула, задумавшего замкнуть клещи двух антибольшевистских фронтов, идущих навстречу друг другу и готовых воссоединиться в районе Перми. Чехословаки, переподчиненные англичанам, при таком раскладе должны были играть роль главной ударной силы, а американские «полярные медведи» — вспомогательную. Вильсон, игравший свою игру, настороженно отнесся к этому проекту разгрома большевизма и устранения шанса на суверенный путь решения русским народом его собственной судьбы. В сентябре 1918 г. он даже пригрозил Лондону вывести американский контингент из-под командования генерала Фредерика Пула. Резкой критики Вильсона английских военных никто не должен был удивляться. Президент напоминал о своем антиимпериализме и недоверии ко всему английскому.

По мере приближения конца войны и изменяющейся ситуации на фронтах гражданской войны в России, настроения Вильсона в отношении «русских дел» менялись, становясь все более скептическими. Могло показаться, что Вильсон почти охладел к операции на севере России, полагая ее неосуществимой, по крайней мере до уровня заметного успеха. Более всего (даже вопреки мнению госсекретаря Лансинга) Вильсон опасался, что американцы окажутся вовлеченными в операции, превосходящие все воображаемые границы и противоречащие его собственным далеко идущим планам в отношении будущего России. В острой форме проявились расхождения Вильсона с союзниками в вопросах местного самоуправления. Президент рассчитывал осуществить при его содействии в пику англичанам внедрение принципов «американизма».

В военном кабинете США в осенние месяцы 1918 г. возник серьезный кризис. Раздраженный стычками с Р. Лансингом и объединенной англо-франко-японской коалицией Вильсон не соглашался форсировать сопротивление большевикам там, где они закрепили свои позиции и получили поддержку большинства населения, отказавшего белым и интервентам в содействии или послушании. В конце сентября 1918 г. Вильсон в сердцах разорвал меморандум в адрес союзников, в котором зывал к остротным действиям без спешности и brutальных последствий. Десятки тысяч японцев, хозяйничающих в Восточной Сибири и Маньчжурии, выводили его из равновесия. Президент всерьез опасался, что его идеи «нового мирового порядка» (включая отношения с вновь образованными странами) будут скомпрометированы. Избежать этого Вильсон пытался даже продекларировав намерение вести переговоры с большевиками⁶.

Услышанное Рузвельтом в меморандумах и «памятных записках» Вильсона осуждение национально-государственного озлобления и призыва к победителям в войне умерить жестокость к российским вольнодумцам, оформлены в порученном ему руководством документе (не заслуженно незамеченного биографами Ф. Рузвельта) в новой стилистике с учетом личного, не вполне удачного опыта общения с президентом. В этой связи обращает на себя внимание, упреждающее весь текст инструкции, напутствие адмиралу Маккули внимательно изучить послания президента Вильсона. Они резко ограничивали задачи участия американского контингента в «Сибирской интервенции» охраной материальных запасов, оказанием технической и продовольственной помощи и другими подобными мероприятиями. Будущий 32-й президент

⁶ См. *Thompson J. M. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace*. Princeton — New York, 1966, p. 90–92; *Link A. S. Wilson, the Diplomatist*. Baltimore, 1967, p. 117, 118; *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009, с. 162, 163.

США понимал, что он должен быть другим: не таким независимым, каким он видел себя во время европейского визита летом 1918 г. и не таким самонадеянным, каким он был всегда в кругу молодых «бунтовщиков» в распадавшемся кабинете Вильсона.

Ключевой идеей инструкции было сохранение предельной самостоятельности американского контингента. Он должен был оставаться формально в подчинении английских воинских начальников, но только в тех пределах, которые определялись политическими установками Вашингтона. Совсем не случайно в инструкции сразу же за пунктом о сохранении известной самостоятельности от союзников следовали указания о поддержке «местных русских властей» и соблюдении корректного отношения американских воинских подразделений к русскому населению и уважении к его суверенитету.

Выполняя поручение, связанное с инструкцией для флотских команд, готовящихся к отплытию под Мурманск, Рузвельт чувствовал себя еще не вполне здоровым после длительной болезни. Однако первое, что он хотел бы сделать после закрытия «бумажных» заданий, это подать рапорт президенту об отставке и переходе на действительную военную службу. 31 октября он позвонил Вильсону и сообщил о своих планах. «Слишком поздно», — последовал ответ. Позднее Рузвельт вспоминал, что Вильсон поведал ему тогда о первых предложениях, поступивших от принца Макса Баденского о перемирии⁷. Великая война должна была закончиться и очень скоро Компьенским перемирием 11 ноября 1918 г. Едва ли можно сомневаться, что та же причина изменила процедуру прохождения документа, переданного Рузвельтом государственному секретарю Р. Лансингу. Бумага скорее всего осталась без последствий и была передана в архив.

В. Л. Мальков,

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИВИ РАН

Военно-морской департамент США

Вашингтон

1 ноября 1918 г.

Сэр:

С целью проинформировать Вас имею честь направить Вам текст инструкции касательно политики американского воинского контингента, врученного вице-адмиралу Н. А. Маккули накануне вступления в должность командующего американскими военно-морскими силами в России:

«В связи с назначением Вас командующим военно-морскими силами США на Севере России Вам надлежит руководствоваться нижеследующей инструкцией, которая для удобства структурно сгруппирована в ряде изложенных ниже разделах.

Вопросы политики

1. Наладить связь с нашим послом (Френсисом. — *В. М.*) и в свободном режиме обсуждать с ним все возникающие вопросы.

2. Внимательно ознакомиться с посланием президента Вильсона в связи с Сибирской интервенцией (так в тексте. — *В. М.*) и прилагаемом к нему письмом Государственного департамента нашему послу в России. Ваша политика должна соответствовать изложенным в них сентенциям.

3. Взаимодействуйте с находящимися и морскими силами союзников в тех размерах, в которых позволяют это делать цели политики, изложенные в упомянутых выше документах. Поддерживайте самые тесные отношения со старшим армейским начальником, представляющим армию США.

⁷ Ward G. C. Op. cit., p. 417.

4. Прилагать максимум вашего влияния с целью консолидации и поддержки местных русских властей за исключением случаев, когда эта власть действует в духе, несовместимом с интересами русского народа.

5. Ваши действия должны дать ясно понять, что американцы искренние друзья русского народа и что американские вооруженные силы не имеют скрытых военных и политических мотивов, враждебных российскому суверенитету.

6. Соблюдая ограничения, установленные нашим правительством и изложенной здесь инструкцией, Вам надлежит быть в подчинении старшего военно-морского начальника союзных сил в акватории русского Северного моря».

Вице-адмирал Маккули получил копии документов, упомянутых в разделе 2 настоящей инструкции.

Искренне Ваш

Франклин Рузвельт,

исполняющий обязанности военно-морского министра

Досточтимому государственному секретарю США Роберту Лансину⁸.

⁸ National Archives and Records Service. M. 316, Roll 17. Records of the Department of State Relating to Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910–29, v. 19, 20; 861. 0/2976–3220.